

Глеб Берг

На гуме

Авантюрно-антропологический роман

Глеб Берг

На гуме

«Автор»

2012

Берг Г.

На гуме / Г. Берг — «Автор», 2012

Роман повествует о жизни студента Факультета Мирового Господства МГУ в 2003-08 годах. Главный герой - интеллигентный московский юноша из буржуазной еврейской семьи, с неподдельным любопытством открывающий для себя мир, скрывающийся за фасадом кавказского диаспорального сообщества столицы и познающий различные грани его многообразного этоса. За 5 лет своего обучения герой проходит через различные этапы понимания культуры, нравов, мотиваций и чувствований своих новых друзей, принимает участие в их авантюрах и эскападах. Содержит нецензурную брань.

© Берг Г., 2012

© Автор, 2012

Предисловие Никиты Дмитриева.

Сборник рассказов "На гуме" представляет собой воспоминания интеллигентного и остроумного юноши, учившегося в МГУ в середине 00-х, о дружбе и совместных авантюрах с теми его однокашниками, по большей части уроженцами Кавказа, которые на фоне прочих выделялись "крутизной" и пристрастием к пряным удовольствиям.

Подобного рода тексты неизбежно соотносятся с двумя многотысячелетними, конститутивными для европейской цивилизации литературными темами – темой героя-любownika и темой путешествия на Восток. Не упасть в грязь лицом в таком случае более, чем трудно, так как писать приходится с неизбежной оглядкой на классиков. Один из них, Лермонтов, как автор "Героя нашего времени", там прямо упомянут. В абсолютном большинстве случаев подобного рода отсылки служат залогом, в терминологии советской литературной критики, "красивости и литературины масштабов совершенно гомерических", но не в нашем случае: чувства меры, юмора и языка автору не отказывают. Ему удается не впасть в нарциссизм, не злоупотребить любовными и этнографическими сценами, избежать дурновкусной языковой вычурности.

Однако, не художественные достоинства представляют главный интерес этой книги. Перед нами – важный антропологический документ, с большой точностью регистрирующий практики поведения, ходы мысли и, главное, аутентичную речь авангарда, – молодых, дерзких и богатых, – той части российского общества, что ныне переживает, и еще долго будет переживать, рост и экспансию.

Оказаться одновременно своим в их среде и способным реалистично и иронически описать этот опыт – случай редчайший. Редка, необычна и концентрация на повседневности, причем повседневности московской – при том, что обычно действие сочинений на кавказскую и, шире, восточную тему, во-первых, происходит далече, а, во-вторых, имеет дело с нечтом экстраординарным – войной, страстями и т. д.

Кавказский диаспоральный мир, его внутреннее устройство совершенно неизвестны и непонятны остальному российскому обществу, и это незнание опасно контрастирует с той важностью, которую он имеет. Жизнелюбивый, энергический, неотёсанный юноша, родившийся в кавказской сельской местности на закате советской эпохи, соприкасавшийся с войной, переживший вместе с внезапно (а иной раз и незаконно) разбогатевшими родителями 90-е годы, и получивший доступ к высшему образованию в столице (зачастую благодаря коррупции) – именно он, а не рассказчик, главный герой этой книги, да и, более того, одно из ключевых действующих лиц нашей современности. Трудно представить себе фигуру, менее годную к созданию новой культуры, однако эта миссия, против воли, досталась именно ей – миссия обжить новую социальную и географическую среду – мегаполис, выработать правила принятия решений, самовыражения, этикета, чувствования в десятках и сотнях дотоле незнакомых ситуаций и транслировать их старшим, младшим, соплеменникам на малой родине, менее привилегированным членам своего сообщества.

В свидетельстве, причем изнутри, об аккомодации и творении нового, ходе, неосознанном, с завязанными глазами, в новый мир, состоит антропологическая ценность и новизна этой книги. Сноровка в выстраивании мизансцен, внимание к деталям внешности, умение чутко передать особенности речи, развитое чувство комического, наличествующие у автора, имеют тут не только художественное, но и исследовательское значение: менее острый инструмент бы не подошел. Между ними нет никаких противоречий. Нет его и между фантазийным и реалистическим началами в книге: сама её социальная почва настолько сочна и гротескна, что совершенно их снимает.

Париж, 2015

Эх, помню Зоську!
Иосиф Бродский

НА ГУМЕ

ПЕРВЫЙ КУРС

1

Когда я был еще школьником, родители часто пугали меня историями из лубочных шоу ночного эфира – криминальными историями о коварных драг-дилерах, подсаживающих на наркоту несмышленных московских студентов. Единожды поддавшись, бедолаги оказывались у злодеев на пальце, позволяя высасывать из себя деньги и жизнь, пока, в конце концов, не отъезжали от передоза на ссанном матрасе в каком-нибудь грязном притоне. Воображение рисовало inferнальные сценки в духе Иеронима Босха – главное здание МГУ, оцетинившееся сотнями блестящих игл, униженных тушками маленьких стенающих наркоманов – как шампуры обуглившимся шашлыком; вокруг, окутывая увенчанный звездой шпиль, угрожающе сгущаются черные грозовые тучи; и даже витающий в воздухе страх перестает быть чем-то эфемерным – он ощущается кожей. Делалось как-то не по себе. Впрочем, став, наконец, студентом, я иной раз убивал целый день в поисках самого захудалого барыги, способного подсадить меня хоть на что-то.

Марихуану я начал курить лет в пятнадцать, еще в экстернате, и курил с тех пор почти ежедневно. Это стало образом жизни и даже стилем – пусть и сомнительным. Померкшим безразличным взглядом смотрел я сквозь пронсящих мимо людей, заморачивающихся на спорте, учебе или работе. Мне было откровенно пачкуна на все это. Ну, того самого пачкуна, что остается на дне унитаза после того, как погадишь.

Зимой 2004 года, кажется в феврале, я впервые попробовал синтетику. Сева Гнус, мальчик-шприц в прикиде от парочки мэйнстримовых итальянских дизайнеров, угостил меня экстази. Это была белая собачка. Точнее не собачка, а так называемый значок – @. На счет экстази у меня были свои предубеждения: я часто слышал, как у кого-то расплавился мозг или остановилось сердце из-за неприятия организмом всего этого химического дерьма. Я стоял перед нелегким выбором и все же решил ворваться в эту тему. «Получи удовольствие или сдохни» – рассудил я, запив колесо минералкой.

Мы с Гнусом учились тогда на первом курсе вновь созданного Факультета мирового господства МГУ, слывшего сборищем избалованных детенышей, способных лишь разбрасываться родительскими деньгами и уже к первой паре наряжаться в вечерние туалеты. Насколько мне известно, с тех пор мало что изменилось.

В ту ночь компанию нам составляли две нарядные курочки из МГИМО – тоже первокурсницы – я познакомился с ними накануне и потерял из вида сразу же, как мы вошли в Инфинити – едва открывшийся и, по бытовавшему мнению, лучший R&B клуб города той зимой. И плевать, что внутри не было ни одного человека старше двадцати, а располагался он в здании кинотеатра на Красной Пресне, в интерьере которого для полного счастья не хватало разве что бильярдных столов – это мало кого смущало. Куда важней было, сколько лэйблов на одежде у посетителей – это было неким социальным мерилем – крупные принты с именами дизайнеров

должны были украшать каждую составляющую туалета от трусов до головного убора. И не дай бог никакого ноунэйма или массмаркета! Не стоит забывать: то был разгар эпохи путинского гламура – самое пекло – со стразами, автозагаром, туфлями из меха пони, золотым, розовым – чем угодно, лишь бы *чикки пиццали*.

Впрочем, это было вовсе не ново, еще Гончаров упоминал заносчивый дворянский молодняк, свысока смотревший на тех, «кто не так одет, как они, не носит их имени и звания» и не бывает «у князя N, куда только их пускают». В Инфинити тоже пускали не всех, по крайней мере, в первый сезон – после которого появляться там стало неприлично. Эпические великаны в камуфляжных комбинезонах и закатанных на затылке шапках-пидарках из последних сил сдерживали металлические перегородки, отделявшие обетованную землю клуба от жаждущих войти. Это напоминало сцену эвакуации из голливудского фильма о зомби или инопланетных захватчиках: толпы спасающихся от гибели людей, поддавшись панике, рвутся в стремительно закрывающиеся двери крепости (или парома или космического корабля), олицетворяющего призрачный шанс выжить, в давке затаптывая тех, кто не устоял на ногах. На расстоянии вытянутой руки от всей этой истерии, преисполненный чувством собственной значимости, вальяжно расхаживал фейс-контрольщик с лицом маленького, но важного речного божка. Время от времени подобно спайдермену он выхватывал кого-нибудь из толпы и за руку утаскивал внутрь. Тем временем орды страждущих все прибывали и прибывали. Задние ряды, наседая, выдавливали передние: тех, кто, прорвавшись к заграждению, не сумел войти, толпа выносила назад, отторгая как слабых, и обрекая начинать все сначала. Полифония голосов, не умолкая, звала фейс-контрольщика – кто по имени, кто «по-братски»; иные требовали позвать Володю, Лену или Ахмеда, призванных каким-то образом «все решить»; те же, кому во входе уже отказали, изрыгали проклятья и грозились выебать в рот.

– А ну их на хуй, поехали лучше в NN, – совсем отчаявшись, громко произнес худенький мальчик, несмотря на минусовую температуру, одетый в пеструю кожаную куртку и модные джинсы с дырками на коленках.

– Конечно, поехали! Че мы вообще в этот лоховник приперлись? – уверенно отвечал его спутник с покрасневшими на морозе носом и ушами, а на лице его явственно читалось почти трагическое: «Туда нас точно никогда не пустят...»

И все вокруг тоже понимали, что это даже не пяти-, а трехкопеечная дешёвка, но молча в таких ситуациях уходили только немые. Это было своего рода ритуалом, даже правилом клубной культуры тех лет: не пускают – громко говори: «а поехали в *ещеболекрутойклуб*» и с важным видом уходи – никто же не станет проверять куда ты в итоге отправился – в Иерусалимский дворец или в Копотню.

Еще в Инфинити действовало правило «семи рук». Пользуясь всеобщей неразберихой, нужно было перелезть через ограждение и, прежде чем охранники успеют вышвырнуть тебя обратно, с угрожающим жестом семь раз прорычать: «PPPPУКИИ! Ээ! PPPУКИ, я сказал!» После седьмого повторения тебя уже не имели права выгонять – ты внутри, все легитимно. Правило, впрочем, работало только для брюнетов.

Так вот, едва перенесшись с адского московского мороза в теплое фойе клуба, я почувствовал, как таблетка начала действовать. Мой первый трип был совершенно ни на что не похож – не было ни эйфории, ни легкости, ни нежности. Меня даже не мазало. Не знаю, употребляют ли еще это слово – мазало – но явление, уверен, по-прежнему существует доколе в мире производятся колеса и димыч. Это как оргазм, длящийся пару часов – глаза закатыва-

ются, по коже проходит дрожь, хочется раздеться и всем телом скользить по шелковому белью бесконечной двуспальной кровати, изредка бросая взгляды на собственное отражение в зеркальном потолке. Вместо всех этих прелестей я просто на время утратил способность воспринимать чужие слова. То есть, слова-то я слышал – но только каждое в отдельности – сложить же из них предложение решительно не удавалось.

Обдолбанный, я стоял среди всего этого калейдоскопа блестящих предметов и тщеславных ухмылок, когда ко мне подошла Катя – подруга из универа. Она ужасно мне нравилась: высокая голубоглазая блондинка, изящная и тонкая как струна, всегда доброжелательная и улыбчивая, но без всякой телочьей слащавости и хорошести. Она была прелестна. Впрочем, яйца я к ней не подкатывал – в нее был влюблен старина Гнус.

– Привет, Марк! – обрадовалась она мне.

– Привет, Кать!

– @#%\$? – ее слова, подобно леттристскому стиху, слились в набор звуков.

– Что? – удивленно переспросил я.

– @#%\$!

– Что? – я, действительно, никак не мог зацепиться за смысл сказанного.

– @-#-\$-%! – произнесла она по слогам.

– Что-что!?! Слушай, я не понимаю...

– Ладно, все с тобой ясно, – с разочарованным видом похлопав меня по груди, она нырнула в толпу и исчезла.

Пригорюнившись, я присел у барной стойки, заказал водки и закурил сигарету. В то время все молодые люди курили Парламент Лайтс, стоивший сорок рублей за пачку, или, в крайнем случае, Кент, который стоил рублей на десять дешевле и воспринимался мной как апогей демократичности – этакий нарочитый вызов всему лакшери дискурсу – типа «эй, посмотрите все, какой я рубаха-парень». «Кури Парламент и не выебывайся, чертов хиппи!» – кричало все мое естество при виде таких персонажей. Те же, кто курил какие-то третьи марки (исключая разве что телок, куривших Вог), и вовсе вызвали искреннее недоумение и казались почти инопланетянами. Завидев таких чудачков, я идентифицировал их как *народ*, тех самых, что наступают друг другу на ноги в трамваях, смердят и лезут везде без очереди – тех самых понаехавших и понаостававшихся – вынужденное неудобство, с которым приходилось мириться. Власть бренда в условиях информационного общества была столь сильна, что для иных становилась реальной проблемой и определяющим жизненным фактором. Однажды, ботаник с моего курса даже пожаловался в сердцах, что стесняется приходить в курилку со своей пачкой чего-то там.

– Ты че, белены объелся!?! – осадил я его. – Как можно быть таким конъюнктурным? Чтoб не смел больше стесняться. Понял?!

– Понял, – грустно вздохнул он.

Быть жутким снобом, но при случае делать вид, что ты простой парень или простая девчонка – было еще одной характерной чертой уродов вроде меня.

Тем временем передо мной появилась стопка. Я нехотя опрокинул ее, затушил в большой металлической пепельнице сигарету и поехал домой.

Класса с восьмого я жил с мыслью, что буду поступать на факультет журналистики МГУ. Не то что бы я мечтал стать журналистом, просто мама всегда хотела, чтобы я пошел именно в Московский университет, а на журфаке уже училась моя сестра и дорожка вроде была проторена. К тому же с детства считалось, что у меня есть способности к письму, а филологический факультет казался чем-то уж слишком феминным. Об аде вступительных экзаменов я еще не задумывался и знал только, что, когда придет время, каким-то образом *буду* студентом журфака. Подумаешь, рассуждал я, что может быть страшного в этих вступительных экзаменах – поучу пару недель, да и сдам все – собраться только подпоясаться.

Школьное образование после шестого класса я всегда считал пустой тратой времени – куча лишней информации, которая мне вряд ли пригодится в жизни. Ну, может, кроме истории и литературы. Учителя, очевидно, разделяли это мнение и не докучали мне своими предметами, не глядя ставя «удовлетворительно».

Наступил май 2002 года, занятия в экстернате, где за год я закончил десятый и одиннадцатый классы, подходили к концу. Не то чтобы я сильно напрягался – все происходило само собой. Я просто ходил иногда на пары и являлся на экзамены, где нам почти официально разрешали списывать. Как показала практика, этого было достаточно, чтобы получить аттестат без троек. О школе уже можно было забыть, раз и навсегда перевернув эту страницу.

Впереди маячило лето, на которое я не планировал ровным счетом ничего кроме отдыха. Дни напролет, 24x7, я бездельничал со своими друзьями-рэперами, меряясь шириной штанов и в камень накуриваясь марокканским гашишем. В сущности, не уверен, что он имел какое-то отношение к Марокко, но парень, который нам его продавал, утверждал, что в него добавляют яд скорпиона. Мы смеялись над этим придурком, но сама идея всем нравилась. Еще мы играли в Контер-страйк в компьютерных клубах и стритбол на площадке у дома. Ну, и без телочек, конечно не обходилось.

У Маши, девушки моего приятеля, были прямые темные волосы и идеальная белая кожа с легким румянцем на красивом, озаренном огромными серыми глазами лице. Еще были длинные ноги и чокнутая грудь третьего размера. Маша часто тусовалась с нами.

В тот день мы торчали в баскетбольной коробке во дворе на Беговой улице в ожидании куска гашиша. Солнце мягко пригревало асфальт, трава и листья деревьев, успевшие уже покрыться внушительным слоем городской пыли, монотонно шелестели на ветру. Из огромного кассетного магнитофона, какие носили на плечах би-бои из восьмидесятых – доносились скрэтчи и рифмы Eric B & Rakim. Парни бросали мяч в кольцо, а я сидел чуть поодаль на земле, спиной опершись о деревянную стенку коробки, и записывал в блокнот рифмы, время от времени поглядывая на пританцовывавшую в паре шагов от меня Машу.

*за несколько мгновений до удара в гонг
я выхожу на ринг – еще один раунд
ухожу от ударов как donkey kong
чтоб последнего врага отправить в нокадаун*

*как спаун наношу удар за ударом
фактически задаром из темного угла
дождавшись врага и выдохнув паром*

ко лбу его приставляю два блестящих ствола

bang! bang! ...

Рифма не шла, у меня никак не получалось сконцентрироваться и продвинуться дальше этих двух несчастных четверостиший – я все время отвлекался на Машины прелести, мерно подпрыгивавшие в такт бита и басов.

– Бля! Да это же просто не по-христиански! – не выдержал я наконец.

– Что? – перестав танцевать, Маша удивленно посмотрела на меня.

– Да ничего, блин, все классно...

Она со снисходительным видом пожала плечами и поспешила сменить тему:

– Уже знаешь, куда будешь поступать?

– В МГУ, на журфак, – ответил я машинально.

– Серьезно? – мне показалось, что она оживилась, – а я – на юрфак. Жаль только, они в разных частях города находятся – так бы вместе учились.

Услышав это, я со свойственным юности максимализмом, немедленно сделал вывод, что она меня хочет. Черт, мне было всего пятнадцать, и уровень тестостерона просто зашкаливал – кровь била то в голову, то ниже пояса – и ради перспективы провести пару часов в постели с этой крошкой я был готов забить на журналистику и посвятить себя юриспруденции, кибернетике, нидерландистике – да чему угодно.

– А может и на юрфак, – напустил я тумана, – пока не решил.

– Было бы круто, – улыбнулась Маша, – если правда надумаешь, могу поделиться конспектами.

Вот это звучало заманчиво.

Тем же вечером я сидел дома над тарелкой пасты и, подперев рукой голову, уже минут пятнадцать пялился в одну точку. Мама успела загрузить посудомойку и накормить собаку; на улице, как по команде, зажглись фонари, а я все сидел и думал о Машиных сиськах: как они там, интересно?

– Ма, – вдруг опомнился я.

– Что, дорогой? – не глядя на меня, ответила мать и закрыла окно, чтобы заливавшаяся во дворе сигнализация не мешала нашему разговору.

Сформулировав про себя то, что созревало в моей голове уже несколько часов, я осторожно произнес:

– Я понял, что хочу быть юристом.

– А что случилось? – уточнила мама, как ни в чем не бывало, стараясь не выдавать настроения.

– Думаю, это мое призвание... – поделился я и в тот момент действительно в это поверил.

– Что ж, – она облегченно вздохнула и, снисходительно улыбувшись, ответила, – почему бы и нет.

Все решилось на другой день. Роль ментора в кампании моего поступления играл один славный профессор, друг семьи. Мама позвонила ему и сообщила, что Марик нашел в себе новое призвание и теперь жаждет стать юристом, а она, как родительница, готова этому способствовать. Собственно, так я и не стал журналистом. Впрочем, уверен, профессия не много от этого потеряла.

В МГУ же я оказался лишь год спустя. Последующие осень, зима и весна стали для меня сущим адом без друзей и свободного времени – я впахивал как раб на галере, занимаясь с репетиторами по истории, обществознанию, английскому и литературе. Меня дрючили, как шлюху в кабине грузовика, так, что к маю 2003-го я уже и не помнил о существовании этой Маши или как там ее звали.

3

С Муслимом мы познакомились в июне 2003 за пару дней до первого вступительного экзамена на юрфак, во время консультации по литературе, проходившей в Первом Гуманитарном корпусе МГУ – или, проще говоря, *на гуме*. Я и мой кореш Изя, шарообразный горский еврей в джинсовой куртке, которую сам он называл почему-то жилеткой, скучали на последнем ряду поточной аудитории, когда, распахнув выдавшую виды дверь из потрескавшегося ДСП, с большим опозданием вошел бледный худющий абрек с невиданным доселе гонором и тяжелым взглядом. На нем была вызывающе неприталенная рубашка, модного, за пару лет до того, синего цвета, неприглядные узкие джинсы и немислимые туфли с острыми носами, длиной стремящимися к бесконечности. В водворившейся тишине он, гулко цокая каблуками о вздутый почерневший паркет, поднялся на самый верх и уселся рядом с нами на одно из откидных сидений с разодранной дерматиновой обшивкой и торчавшими из него обрывками рыжего поролона. Консультация возобновилась. Мы с Изей были отрезаны от выхода и, молча глядя на лектора, просидели до самого конца. Когда вопросы абитуриентов иссякли, а вещавший с кафедры профессор пожелал всем удачи и удалился, Муслим повернулся к нам и произнес сакральное:

– Салам алейкум, пацаны.

Это был первый в моей жизни салам алейкум, положивший начало целой плеяде последующих – тех, что мне еще только предстояло услышать и произнести. Веха своего рода – почти как девственность потерять.

Собрав пожитки, мы вместе вышли из корпуса и закурили.

– Ну, чо, стремно перед экзаменом? – улыбаясь одними глазами, спросил Муслим.

– Ну, так, – ответил Изя с видом человека, осведомленного лучше других, но наш собеседник, казалось, не заметил этих ноток.

– Главное – намаз делай, братан, и все ровно будет, – посоветовал Муслим, и на всякий случай уточнил, – делаешь намаз?

Изя замялся и не ответил. Он просто стоял как истукан, уставившись на невзрачный фасад первого *гума*, составленный из огромных немытых окон и серых, потрепанных временем и непогодой, панелей. Изя почему-то не спешил объяснять Муслиму, что евреи не делают намаз – не знаю, может, не хотел разочаровывать.

– Ааа, не делаешь! – с лукавой улыбкой погрозил ему пальцем Муслим. – Вы, кстати, сами откуда, пацаны?

– Я из Дагестана, – оживился Изя, родившийся, впрочем, в Одинцово и в Дагестане бывавший всего пару раз.

– А я отсюда, – кивнул я в сторону Ленинского и почти застеснялся того, что, как и родители, родился и вырос в Москве.

– Я с Нальчика, – отрекомендовался Муслим и, со значительным видом подняв палец, продолжил, обращаясь к Изе, – делай намаз, братан! Если в течение дня не успеваешь, вечером сразу за весь день делай – от перемены мест слагаемых, сумма не меняется.

Часы пробили два и воздух, как слюда, дрожал на палящем солнце. Я взглянул на Изю. От жары его грузное тело разбухло еще сильнее. Он весь покрылся испариной, а крупная капля пота, уже с минуту разраставшаяся у него на лбу, сорвалась, наконец, с места и лавиной обрушилась вниз – через висок и щеку, лавируя между толстыми смоляными волосками его редкой щетины – пока, словно в лунку, не скатилась в уголок рта. Молниеносным движением, словно хамелеон, Изя выкатил язык и слизнул ее.

– Ладно, рад был познакомиться, – потушив сигарету, прервал я неловкую паузу и протянул Муслиму руку, – на экзамене увидимся.

Мы распрощались и разошлись – Муслим побрел обратно в корпус, а мы – в сторону метро. Всю дорогу мы с Изей шли молча.

«Мощный человек, – думал я про нового знакомого, – никогда еще не видел, чтобы люди так вживались». В этом худом узкоплечем парне чувствовалась негибкая сила духа и готовность покорять своей воле всякого.

Меня нервически передернуло.

– Этот Муслим много внимания привлекает, – с деловитым видом заключил Изя, доедая купленную у метро шаурму, – когда поступим, можно будет с ним общаться, а сейчас лучше не надо.

Я не стал возражать.

Полакомившись шаурмой, мы поехали покупать мне костюм и туфли для экзаменов. Нужно было выглядеть шикарно.

4

Не знаю, делал ли Изя намаз, но за сочинение он получил 3/2 или что-то в этом роде, срезавшись таким образом на первом же экзамене. Зато Муслим и я успешно преодолели этот рубеж и снова столкнулись на гуме перед консультацией по обществузнанию.

– Как ты, братское сердце? – улыбнулся он, заведя меня в коридоре первого этажа.

– Нормально. Ты как?

– Со дня на день, – ответил он, подразумевая под этим что-то типа «потихоньку», и неопределенно покрутил ладонью, – а даг где?

- Сочинение не сдал.
- Не вывез тему? – серьезное выражение лица Муслима сделалось почти сочувственным.
- Типа того.
- Бывает, чо поделать.
- Ну да.

Мимо нас, через просторный, отделанный серым мрамором холл, вереницей тянулись абитуриенты. «Как со смены на заводе» – подумал я, но промолчал. Муслим смотрел на меня все тем же сочувственным взглядом. Я не знал, что тут еще сказать.

– Ладно, братан, увидимся еще, – он похлопал меня по плечу и продолжил свой путь к мировому господству.

Высидев консультацию, я поджидал телочку из моей группы с занятий по обществознанию и праву, обещавшую отскерить для меня недостающие конспекты. Не желая тухнуть в душном корпусе, я вышел на крыльцо большого сачка – как в университете называли восточный вестибюль первого гума – тот, что со стороны проспекта Вернадского. Стоя под козырьком и опершись о колонну, я курил свой легкий Парламент и наблюдал за красивой блондинкой с томными голубыми глазами и незажженной сигаретой во рту. Она увлеченно рылась в дебрях собственной сумочки – очевидно, в поисках зажигалки. Сессия даже у самых нерадивых студентов давно закончилась, и можно было сделать вывод, что эта крошка была абитуриенткой. Вся вылощено-пастельная, как Хизер Локлир в Династии, для своих семнадцати она выглядела неприлично шикарно. Легкий средиземноморский загар, шмотки и украшения, как со страниц глянцевого журнала, укладка – все выдавало в ней маленькую мажорку. Умиленно глядя на нее, я на какое-то мгновение даже задумался над тем, что стою на пороге первого пятилетнего этапа новой взрослой жизни и, кто знает, быть может, именно эта красотка с надменным фэйсом – моя будущая жена – черт знает, чего ждать от этого МГУ. Тем временем, отчаявшись отыскать зажигалку, красотка бросила на меня беспомощный взгляд. Не считав послания, я продолжал тупо смотреть на нее довольно отрешенным, надо полагать, взором – я слишком много курил, чтобы додуматься предложить ей огня.

– У тебя нет зажигалки? – сдавшись, попросила она.

С равнодушным видом я сделал несколько шагов ей навстречу и молча дал прикурить. Со стороны это вряд ли было заметно, но она произвела на меня впечатление.

Тем сильнее стал мой облом, когда на следующий день я завалил экзамен по праву. Не зная порядочно ни одного билета, я, тем не менее, был уверен в конечном успехе предприятия. Оказавшись в аудитории, я сел за парту, перечитал доставшиеся мне вопросы и стал судорожно вспоминать хоть что-нибудь – и что-то даже вспомнил, но ответ мой, не смотря на это, оказался не слишком внятным. По десятибалльной шкале его оценили только на пять.

– Хотите, могу один поставить, – съехидничал младший экзаменатор, когда я начал вполголоса нервно плести что-то о секретных списках.

Такие и правда существовали и, более того, по договоренности с одной влиятельной университетской матроной, я должен был в них числиться. За поступление на юрфак она объявила нам двадцать тысяч долларов – и, насколько мне известно, эта цена была тогда стандартной.

Еще около двадцати мама отдала за моих репетиторов: по литературе, праву, истории и английскому, который в итоге вообще отменили.

Матрона объясняла, что в рамках существовавшей системы, преподаватели, входившие в экзаменационную комиссию, составляли списки «своих» абитуриентов. Поэтому, придя на экзамен, заряженные детишки, даже не попав к своему преподавателю, гарантированно получали проходной балл.

– Ставьте пять, – махнув рукой, ответил я и поплелся к выходу. В своей системе мне как-то не верилось, а в голове промелькнуло трагикомичное «нас предали».

Узнав о постигшем меня Ватерлоо, мама, приехавшая забрать свое чадо после экзамена, моментально поменялась в лице и спешно начала кому-то звонить. Отойдя в сторону, она долго разговаривала по телефону, и в тот же день все было решено – мы забрали деньги у обосравшейся матроны и вновь обратились к маминому знакомому, который нас к ней отправил. Он предложил возможные варианты дальнейшего развития событий – поступать снова через год или выбрать другой факультет. Откладывать начало студенческой жизни мне совершенно не улыбалось, да и на юрфаке свет клином не сошелся, поэтому, недолго думая, я согласился на только что созданный Факультет Мирового Господства. Оставалось только явиться на экзамен по истории отечества и получить на нем высший балл, но это уже было формальностью.

5

Явившись на экзамен по истории, я заметил, что ряды абитуриентов серьезно поредели. Это особенно бросалось в глаза в огромном конференц-зале Первого гума, откуда, позже, всех нас по очереди препровождали в экзаменационные аудитории на седьмом этаже. На откидных, обшитых бордовым велюром, креслах одного из рядов я увидел ребят из своей группы по обществознанию. Подойдя ближе, я был приятно удивлен, заметив среди них и ту самую блондинку, на которую пялился у входа в корпус несколько дней назад. Она потрясающе выглядела и явно знала об этом. Я поздоровался со всеми и сел рядом, поймав себя на мысли, что все складывается как в кино. Ее звали Лиза. Она смотрела на меня с нескрываемым интересом. Через каких-нибудь четверть часа, разговорившись, мы вышли на улицу покурить. Погода стояла паршивая: с затянутого серой пеленой неба, прибывая к земле июльскую пыль, вяло падали редкие капли дождя. Что-то явно намечалось.

– В костюме ты совсем по-другому выглядишь. Такой лощеный, – похвалила Лиза мой туалет.

– Довольно непривычно себя в таком виде чувствую, – улыбнулся я и ответил встречной любезностью, – ты тоже прекрасно выглядишь. Я кстати видел тебя пару дней назад. Помнишь, я дал тебе прикурить?

– Да, но вообще-то мы с тобой и до этого пересекались – на занятиях по праву, – удивленно ответила Лиза, – мы ходили к одному репетитору.

– К Владимиру Ивановичу? Странно, я тебя там не видел.

– А еще обедать вместе ходили, – Лиза снисходительно улыбнулась, как будто говорила *hello-o-o*, - ну, в смысле тоже всей группой.

– Seriously?

– Боже! Как ты мог меня не запомнить?

– Действительно странно, потому что сейчас я просто не могу оторвать от тебя глаз.

– Видимо на занятиях на кого-то другого смотрел, – ухмыльнулась Лиза.

– Да, на Владимира Иваныча...

– Хах, да, очевидно. Я кстати только поэтому к тебе и обратилась, что мы вроде как знакомы.

– Ну, теперь могу пообещать, что уже не забуду тебя, – лукаво улыбнулся я.

В ответ на этот неуклюжий реверанс она, разомкнув красивые пухлые губы, выпустила струйку сизого дыма и одарила меня одним из этих женских сексуально-провокационных взглядов, призванных лишать рассудка. В ее случае это действительно работало. Так, несколько секунд мы стояли и молча пялились друг на друга – в романтических комедиях такие сцены сопровождаются слащаво-занудными саундтреками и 3D графикой с голубями и сердечками.

– Классная рубашка. Что это? – вернувшись к реальности, поинтересовалась Лиза и заботливо смахнула с моего плеча пару капель дождя, предательски упавших с карниза, под которым мы прятались.

Не знаю, то ли мы были детьми, то ли это и впрямь было в духе времени, но все в обязательном порядке спрашивали друг друга о подобных вещах, не видя в этом ничего зазорного. Я, правда, был исключением. Да и то, только потому, что слишком концентрировался на себе. Мне было откровенно насрать, что на ком надето – и уж, во всяком случае, кто это сшил.

– Не помню. Если хочешь, посмотри, что написано, – я оттянул слегка ворот.

– Прикольная фирма – мне нравится, – с интересом взглянув, заключила Лиза, казалось, не заметив мой ироничный взгляд.

Докурив, мы вполне довольные друг другом вернулись в конференц-зал и вскоре отправились сдавать экзамен.

Вдоволь накокетничавшись, свой билет я ответил на «отлично». Весь этот ад и нерво-трепка были позади – я готов был пуститься во все тяжкие. Думаю, то же испытывали все новоявленные студенты – всем страстно хотелось *по полной*, а новая жизнь начиналась прямо здесь и сейчас.

Сразу после экзамена человек пятнадцать будущих юристов, в основном из числа моих бывших одноклассников, собрались в неоправданно дорогом пивняке рядом с университетом, чтобы не отходя от кассы, прямо по горячим следам отпраздновать успешное поступление в МГУ. Пиво я не любил и в качестве альтернативы заказал сто грамм Хеннеси ХО, упоминаемого в каждой второй англоязычной хип-хоп композиции тех лет, как неотъемлемый атрибут жизни богатых темнокожих гангстеров. Не то чтобы я был ценителем коньяка, напротив, до того дня я вообще ни разу его не пробовал. Выбор же обуславливался исключительно конъюнктурой – очень хотелось быть крутым, а парни вроде Снуп Дога и Редмана кое-что в этом смыслили. Тем более в глазах сидевшей рядом Лизы, это, как мне казалось, выгодно отличало меня от остальных – попивающих пивас. Когда принесли угрожающего вида снифтер, я деловито покрутил его в ладони, оценил аромат и пригубил. Обжигающая язык и губы сильно пахнущая жидкость оказалась совсем не тем, что я ожидал. «И это, блядь, и есть Хеннеси?!» – возмутился я про себя – «все-таки этим черным гопникам нельзя доверять». По всему выходило, что с пойлом придется повозиться. Час спустя, уже отобедав, я таки додумался заказать кофе и добавить коньяк в него, но не успел допить, как все стали собираться. Ехать домой мне хотелось меньше всего, поэтому, когда одна из присутствовавших телочек предложила продолжить веселье у нее, я не раздумывая согласился. Тем более туда собиралась и Лиза.

Когда мы доехали до места, все были уже изрядно подшофе. Шампанское быстро закончилось, и сразу же началась водка. Смешав ее с морсом, мы с Лизой уже минут тридцать торчали на балконе, ведя довольно нелепую беседу о больших деньгах, нешуточных страстях и пресыщении жизнью – или о чем-то не менее вопиющем.

– Понимаешь в чем дело, мне скучно жить, в свои семнадцать я перепробовал все, что люди не успевают попробовать за всю жизнь, – раскачивал я, подразумевая под этим несколько половых актов, дюжину поездок в дальнее зарубежье и с полсотни выкуренных косяков. Я пребывал под сильным впечатлением от лермонтовского «Героя нашего времени», разобранного вдоль и поперек при подготовке к экзамену по литературе, и взял моду вешать телочкам за рефлексию и хандру, проводя показательный самоанализ с метаниями между Печориным и Грушницким – кто же я, черт возьми.

– Это юношеский максимализм, у тебя впереди еще столько всего, ради чего стоит жить... – переубеждала меня Лиза.

– Я думаю забить на университет и свалить в Шао-Линь, – с видом бывалого отвечал я.

– Отдыхать?

– Нет, хочу стать монахом.

– Зачем монахом? – удивилась она, – не надо тебе в Шао Линь!

– А что меня здесь держит?

– Уверена, здесь тебя ждет большое будущее.

– Это мирское...

– Ты самый странный человек, которого я когда-либо встречала! – покачала она головой.

Не знаю, почему телочки так велись на подобные бредни, но в тот момент меня больше заботил производимый эффект нежели хреновы психологические механизмы. Я поднялся с пола и, опершись задницей о подоконник, посмотрел на небо – ни одной звезды. Я протянул Лизе руку. Она нежно посмотрела мне в глаза и, сжав мою ладонь в своей, готова была опуститься в моих объятьях, но, поднимаясь, больно ударилась спиной о створку открытого окна и вновь оказалась на полу. Наши руки разомкнулись. Она застонала.

Я буркнул что-то об улетучившейся магии и вышел с балкона.

В гостиной надрывались колонки, какой-то парень в трусах и расстегнутой сорочке под запонки стоял на столе с бутылкой виски и читал рэп в унисон с доносившимся из колонок треком – впрочем, на него никто особо не обращал внимания. Вокруг бесновались телочки, кто-то танцевал, вульгарно потрясая жопой, кто-то просто валялся на диване, уже не в силах стоять на ногах. Заглянув в одну из спален, я наткнулся на оргию – несколько человек с упоением жарилось в родительской постели, а в чьей-то заднице пикантно поблескивала пустая пивная бутылка. Я быстро закрыл дверь и прошел на кухню. За столом вокруг запотевшего пузыря с водкой сидели три чувака с суровыми лицами и обсуждали что-то очень мужественное, в глубине души ненавидя себя за то, что стесняются подойти к девочкам. Словом, это была стереотипная студенческая вечеринка, немного более разнузданная, чем обычно, в виду знаменательного повода. Сделав круг почета и убедившись, что ничего интересного не происходит, я вернулся на балкон. Лиза все еще сидела на полу со своим стаканом.

– Ты в порядке? – спросил я.

– Да, все нормально, – казалось, она уже забыла о случившемся, – спать хочу.

– Я тоже. Поднимайся, а то здесь уснешь.

Я помог ей встать и отвел в свободную комнату. Упав на кровать, мы какое-то время молча лежали рядом. Было очевидно, что у нас будет секс, но я не хотел сразу же набрасываться на нее – мне просто нравилось лежать с ней так, ничего не делая. «С ума сойти, – думал я, – еще утром я был просто мальчишкой предпризывного возраста, которому понравилась незнакомая красотка на улице, а сейчас я уже студент МГУ, валяюсь с ней в постели, и с минуты на минуту мы будем жариться». Размышляя так, я провел минут пять или десять в бездействии, пока не испугался, что кто-то из нас может заснуть и тогда все пойдет прахом – наутро после подобных вечеринок обычно бывает не до секса. Поэтому я поднялся на локте, коснулся ладонью ее щеки и поцеловал красивые разомкнутые губы, намазанные этой пастельной бледно-розовой помадой – как в начале нулевых красилась Дженнифер Лопез. Обошлось без подвигов. Мы быстро перепихнулись и с чувством выполненного долга вырубались до утра.

После полудня все проснулись злые и помятые с жесточайшим сушняком и, надо полагать, убийственным перегаром. Я открыл глаза. Лизы рядом не оказалось. Я наткнулся на нее выйдя из комнаты – она выглядела немного отекшей, но все же куда более свежей, чем я.

- Доброе утро, – натянуто улыбнулась она.
- Доброе.
- Как ты себя чувствуешь?
- Плохо, но, думаю, лучше, чем выгляжу, – судя по ее ухмылке, я попал в яблочко.

Наскоро умывшись и выпив кофе, все разъехались по домам, предоставив хозяйке квартиры заняться уборкой. Впереди меня ждала Сицилия.

6

Вернувшись в Москву и взяв курс на радикальную смену образа, я отпустил длинные волосы, как в 60-е носили Битлз, а в 00-е преимущественно чеченцы; дорвавшись до магазинов дизайнерских шмоток, стал методично заполнять гардероб валяжными замшевыми пиджаками, туфлями из меха несчастных пони, клешами из затертого денима, стоившего жизни десяткам турецких рабочих, запрещенными леопардовыми куртками от старушки Вивьен, немислимыми брендированными панамками и прочим китчем.

Гигиена и забота о внешности были возведены в статус религии. Каждое утро я проводил по паре часов в ванной – принимал душ, мазался всякой хренью, тер скрабом лицо, возился с бровями и укладкой. Упаковки геля для волос мне хватало в лучшем случае на пару недель. Маникюр, педикюр, солярий каждые три дня – все это стало образом жизни. «Тот самый Марк, который в розовом» – объясняли друг другу студентки, «ну, самый загорелый парень в МГУ». Это казалось вполне себе титулом.

Понаблатыкавшись за год занятий с репетитором по литературе, я стал бесстыдно втирать телочкам за тоску, жонглируя мотивами и персонажами русского реализма, пописывать лиричный рэп со ссылками на классиков и эксплуатировать образ так называемого *дабл-рок* – что расшифровывалось как полурэперок-полупидарок – или метросексуального рэпера. Не знаю, как я это выдумал, но все были в восторге.

Весь свет московского университета с самого утра собирался в третьем доме по улице Академика Хохлова – легендарном кафе Макс МГУ, ныне закрытом. То была святая святых, Мекка для безудержных мажоров. Макс слыл единственным местом в мире, где даже в девять утра телочки не появлялись без вечернего макияжа и туалета. Тут и там мелькали сумки Луи Виттон в количествах таких, что на них впору было открывать сезон охоты – с каждым днем их становилось все больше и больше, и вскоре уже нельзя было поручиться, какие из них куплены в подземном переходе на Пушкинской, а какие в бутике на углу Столешникова. Виноваты же, как водится, были кавказцы – на этот раз со своим комендантским часом для девушек. Не важно, что доча уже носила окладистые усы и в одиночку создавала шума и суеты за десятерых итальянок в базарный день – она не могла быть себе хозяйкой: родительский гнет заканчивался только с началом супружеского. Мне это всегда казалось каким-то алогизмом: на кой черт им столько дорогих тряпок, если с наступлением темноты уже надо быть дома? Ведь где-то их нужно выгуливать! Вот они и наряжались – в студенческое кафе ранним утром. Всем прочим барышням, приходилось принимать суровые правила игры, дабы соответствовать жестким стандартам провинциального шика.

У мужеского пола все было проще. Те, кто посмышленней, с ног до головы увешивались шмотками с логотипами модных домов. Обязательно нужно было, чтобы на жопе красовалась надпись RICH, и кофта, чтоб непременно тоже именная. И куртка. А на ногах – борцовки, желательно красные. Вообще, в моде тогда были клеши, причем, если сравнивать с семидесятыми – довольно безобидная их интерпретация – но шли они далеко не всем, и большинство носило прямые джинсы или некое подобие «морковок».

Массовая миграция выходцев из южных регионов в Первопрестольную еще только начинал приобретать промышленные масштабы. У юных, едва спустившихся с гор, ребят глаза вылезали на лоб при виде московской разнузданности и вседозволенности. Они еще не готовы были принять местные тренды (повторявшие глобальные), как нечто недостаточно мужественное и не солидное. А может просто не отстреливали фишку, и потому творили собственную моду, наряжаясь в черные шмотки и неизменные шерстяные или акриловые шапки без отворота, плотно облегавшие патлатые головы. На лбу обязательно должен был красоваться стилизованный орел или инициалы итальянского дизайнера, чье имя созвучно названиям сразу двух кавказских народов. На этих шапках и отводили душу. Так, у студента исторического факультета Габи, совсем не было плечей, зато был огромный нос и вот такая шапка, купленная, по его признанию, за восемьдесят тысяч рублей – или около четырех тысяч долларов в пересчете на тот курс.

В воздухе витал неистовый дух R&B, причем в Москве он все чаще трактовался как Rich&Beautiful. Жадно вдыхая его, приезжие (первое время ходившие в ночные клубы только затем, чтобы кипишнуть с местными) усваивали, что правило есть одно и довольно простое: важно быть богатым, а значит, вещи должны быть именными. Пусть даже имя это выдумали на Черкизовском рынке.

Вообще абсолютное большинство считавших себя причастными ко всему этому лакшери, прости господи, дискурсу жили по лаконичному своду истин, берущих корни, вероятно, из очередной нетленки Минаева или Робски. Эти мудрости можно было лицезреть в каждой второй анкете на сайтах знакомств, выполнявших в то время роль социальных сетей:

Чувства – как Louis Vuitton – или настоящие, или не надо.

Понты – как шубы Roberto Cavalli – идут только Филиппу Киркорову.

*Секс – как Gucci – много не бывает.
Кокаин – как Versace – уже не модно, но многие привыкли.
Сигареты – как Valentino – элегантно, но старит.
Алкоголь – как Dolce&Gabbana – только в меру.
Замуж – как Chanel – традиционно все хотят.
Скромность – как Cartier – украшает.*

7

Выйдя с семинара по фонетике английского языка, проходившего на девятом этаже первого гума, я вошел в лифт и нажал на кнопку «1». Выдержав небольшую паузу, двери плавно закрылись, и я почувствовал, как пол подо мной стал медленно опускаться. Взглянув на загнутые носы своих немислимых казаков, я почти машинально коснулся нагрудного кармана пиджака, нащупав в нем массивный косяк, украдкой скрученный за время пары. Я уже предвкушал как выйду из корпуса, как взорву, залечу, как охваченные огнем будут потрескивать бошки, когда по усыпанной осенней листвой аллее я прогулочным шагом побреду по направлению к Главному зданию, пуская в воздух клубы густого едкого дыма. Томясь предвкушением, я с досадой отметил для себя, что новые лифты были какими-то чересчур вальяжными, точнее тупо долгими – то есть не как Кадиллак, а, скорее, как Волга. Едва эта мысль промелькнула у меня в голове, как лифт остановился на седьмом.

– Ваш покой топтал, – зло прошептал я недавно освоенную фразу.

Из-за открывшихся дверей появился Муслим – в приталенной, по моде измятой рубашке с коротким рукавом и погонами. Он был все также худ и бледен, а взгляд его выражал ласковое снисхождение.

За тридцать дней в МГУ Муслим успел освоиться и стать кем-то вроде смотрящего за первокурсниками. Он объяснял вчерашним школьникам что правильно, а что нет, подкрепляя свои слова двумя беспрекословно авторитетными для них источниками – Кораном и воровскими понятиями. Муслим стремился нести знание и порядок в темные массы невменяемых абреков и первое время все с удовольствием слушали его речи.

Следом за Мусликом в лифт вошел импульсивный человек в спортивном костюме и натянутой на глаза панаме. Ростом он был примерно с меня – около ста восьмидесяти – но покрепче.

– Салам! Как ты, братское сердце? – обрадовался мне Муслим.
– Салам, – ответил я, – да устал на семинарах, прогуляться хочу. Сам-то как?
– Ничо, по-тихому. Вот, познакомься – это Джамал, земляк мой.
– Марк, – протянул я руку.
– Джа, – уточнили из-под панамы.
– А чо, братан, шабануть есть вариант? – взяв меня под руку, поинтересовался Муслим.
– В смысле, шабануть? – тогда я еще не вполне понимал весь этот слэнг и потому сообразил не сразу.
– Ну, в плане шмали.

Догадавшись, что речь идет о траве, я подхватил косяк за крайнюю плоть и вытянул его из кармана. Муслим уважительно кивнул.

- Кайф, щас с него вместе приколимся? – предложил он.
- Давайте, я как раз хотел дунуть.

В эту секунду лифт снова остановился – на этот раз уже на четвертом. Двери медленно открылись, и я увидел высокого бритоголового парня в черно-белой торпедовской розе. Он было шагнул к лифту, но, заметив встречное движение, остановился на пороге.

– Эу! Скинхед! – с силой ударив кулаком по металлической панели с кнопками, прорычал Джа.

Двухметровый фанат с интересом взглянул на странного человека в панаме, смотревшего на него как на жертву. Мгновенье помедлив, фанат, видимо, смекнул, что с четвертого можно спуститься и пешком. Или, может, ему просто надо было наверх. Факт тот, что он остался на месте. В повисшей тяжелой тишине, я несколько раз нажал на кнопку закрытия дверей, но она, как на зло, не работала. Я заметил, как вздувались вены на шее Джа, почувствовал, как сжимались его челюсти – казалось он сейчас взорвется. Спустя вечность, двери все же закрылись, и мы поехали дальше.

– Гондоны! Я слышал, они тут черных прессуют! – негодовал Джа, – я поэтому и приехал сюда учиться – чтобы их на место ставить.

Я вопросительно посмотрел на Муслима. Заметив мой взгляд, тот ухмыльнулся и произнес вполголоса: «Ничо, акклиматизируется».

Мы вышли на улицу с маленького сачка. Погода была отличной, осенней – чистое небо, сухой асфальт, усыпанный желтыми листьями. На последнюю пару я все равно решил забить, так что из списка дел на день, оставалось вычеркнуть всего один пункт – «дунуть». Мы решили отправиться на бейсбольный стадион – ни с чем не сравнимое удовольствие скурить косяк на пустующей трибуне и посмотреть непонятную игру с битами и перчатками.

– Не, я не против русских, – немного успокоившись, объяснял Джа, – у нас в Нальчике почти в каждой толпишке среди черных хотя бы один русский пацан есть – и здесь тоже есть охуенные пацаны. Просто эти скинхеды, шакалы, толпой на одного прыгают, а честно, раз на раз выйти, жопы не хватает.

- Я их тоже не люблю, – пожал я плечами, – на рэперов они тоже кидаются.
- А ты чо, рэпер? – осмотрев мой прикид, усомнился Джа.
- Ну, так, почитываю.
- По тебе не скажешь, – заметил он, – а-ну, кайф поддержи, по-братски, зачитай чо-нить!

Так, почитывая друг другу рэпчик, мы шли через баскетбольные площадки и беговые дорожки. Прямо перед нами пронеслись три поджарые красотки, сдававшие нормативы по физкультуре. Рельефные загорелые тела, затянутые в топы и короткие шорты, подтянутые задницы, напряженные икры, хвосты шелковистых волос, торчавшие из бейсболок с логотипами команд формулы-1 – я все еще провожал их взглядом.

– А вон, приколись, какая фифа чешет, – улыбнулся Муслим и кивнул в сторону полной девчонки в дурацком спортивном костюме.

- Она, наверное, думает: зато я умная, – съязвил я.

Поднявшись, наконец, на трибуну, мы были слегка разочарованы – на поле тренировались дети в красно-белой форме, судя по росту – из младших классов школы. Они даже толком не попадали по мячу. Глядя на них мы делали напас за напасом, передавая джойнт из рук в руки или пуская друг другу паровозы. Между тем дети слились в хаотично движущееся красно-белое месиво, от наблюдения за которым у меня закружилась голова – так, что я чуть не блеванул.

Покулив, Джа окончательно присмирел, а Муслим только добродушно улыбался, выглядывая через щелки своих покрасневших глаз. Когда шмаль закончилась, мы решили отправиться в кафе Макс – съесть по сэндвичу и выпить газировки. По дороге выяснилось, что Джа – не только эмси, но и диджей, а еще боксер и в придачу на четверть эстонец. Прожив всю жизнь в горах, он смотрел на вещи совершенно иначе, нежели москвичи, но в сравнении с другими черными был куда более искренним и не таким категоричным. Он был одним из тех сказочных персонажей, которые даже говоря ложь или преувеличивая, были честнее иных говоривших правду. Словом, он показался вполне славным малым.

8

Ноябрь, половина девятого утра. Сидя на переднем сиденье ржавой оранжевой «шестерки», пойманной за сто рублей до университета, я давился первой утренней сигаретой. Было уже светло, но от лучей солнца, сиявшего где-то наверху, город отделяла мутная пелена облаков. Погода стояла на редкость паршивая: накануне шел снег с дождем, потом ударил мороз, а вся дорога была густо залита мерзкой жижей лужковского коктейля. Я безучастно смотрел в окно на еле двигавшиеся в коматозе утренней пробки машины и думал о своих новых университетских друзьях – Муслиме, Джамале, Айке, Гагике, Лорике, Карапете, Якубе, Хусике и многих других. С тех пор как я поступил в МГУ, они практически вытеснили из моей жизни всех прочих. Конечно, где-то они вели себя невоспитанно, где-то были чрезмерно агрессивны, где-то провинциальны – но по мне, они все были классными ребятами.

Нам никогда не бывало скучно, вся жизнь превратилась в сплошную авантюру – смесь Крестного отца и рассказов О.Генри. Как вычислить гондона по транзитным номерам? Кому перепродать устройства, перехватывающие сигнал автомобильных противоугонок (но там можно только от пяти штук брать)? Где замутить ствол? Как щас у осетин с ингушами? Спросите об этом нас, а бонусом узнаете, как лихо мы пошпилили накануне в игровых автоматах или воткнули кого-то на светофоре, ну, или у кого какого цвета будет Бентли; и, разумеется, любой из нас в любое время дня и ночи готов был купить или продать мобильный телефон. В этом волшебном мире не было места пресности и прозе – лишь героическому эпосу и боевикам с Майклом Дудиковым.

А на каком живом, полном блестящих жаргонизмов языке мы общались! Мы целыми днями только и делали, что «петочились», «втыкали», «топтали покой», «закидывали саламчики», «мотали сиськи». Все это привнесли в мою жизнь новые друзья.

– Какие же они, черт возьми, самобытные, а какие затейники, – думал я, – дух захватывает!

Однако далеко не все разделяли мои восторги. Например, среди посетителей кафе Макс – места, которое мы считали своим – до заката солнца нельзя было отыскать ни одного блондина.

Зато туда периодически приезжали отцы кого-нибудь из ребят. Седовласые патриархи в солидных костюмах собирали вокруг себя друзей сына – за столиком в некурящей зоне – и каждому покупали стакан пепси-колы. Сидя с бумажными стаканами в руках, они терли свои загадочные терки на неведомом языке, а если сказать было нечего или просто не хотелось разговаривать, могли часами сидеть молча. Главным в этом деле было, упершись кулаком в коленку, подальше выставлять локоть и вообще стараться выглядеть как можно солиднее. Кстати, тогда же я впервые столкнулся с нерусским национализмом – на такие посиделки подтягивали, как правило, только земляков и говорили не по-русски. Тогда же я впервые задумался о национальном самоопределении – познакомившись с новым человеком, хорошим тоном считалось сразу же спросить: «братуха, не обессуди, сам кто по нации?» Будучи евреем по отцу и русским по матери, я не входил ни в одну диаспору и на таких тусовках оказывался всего пару раз. Впрочем, в обоих случаях, разжившись стаканом газировки, я под каким-нибудь благовидным предлогом вскоре соскакивал. Не то чтобы имел что-то против или хотел выказать неуважение, а просто – с одной стороны – хотел пить, а – с другой – знал массу более интересных способов убить пару часов своей жизни. В сущности, почти все способы казались мне более интересными. Но это уж кто как время проводит.

9

«Слухами земля полнится» – гласит поговорка. Что до МГУ, он не просто полнился, а кишел ими. В университетской социально-коммуникационной системе они играли важнейшую роль. Их запускали о себе, о других, чтобы возвыситься, низвергнуть врагов или просто развлечься.

Хорошая сплетня распространялась как эпидемия гриппа, передаваясь воздушно-капельным путем, постоянно мутируя и видоизменяясь, обходя стороной лишь немногих имевших иммунитет. Поделиться свежей новостью в Максе или на большом сачке во время перемены было тем же, что чихнуть в переполненном вагоне метро в час пик – в зоне поражения оказывались все окружающие. Источником заразы мог служить любой желающий, а главных переносчика было два. Первый – студенческий сайт Сачок – интернет ресурс с довольно высокой на тот момент посещаемостью, удобным интерфейсом и разделением на ВУЗы, факультеты, конференции и форумы. Обычно там обсуждали кто круче, кто самый красивый или кто с кем спит. Впервые посетив Сачок, я был ужасно разочарован не найдя в общем списке Факультет мирового господства и незамедлительно написал письмо в администрацию, требуя, чтобы эта оплошность была поскорее исправлена. Я жаждал грязи.

Вторым переносчиком была Зармануш – девчонка с исторического факультета – старая-добрая сплетница. В сравнении с Сачком, ее ампула казалось пережитком прошлого века, как дилижанс, футбольный либеро или теле-маркетинг, однако вопреки всей кажущейся архаичности, при правильном таргетировании Зармануш попадала в целевую аудиторию с погрешностью, близящейся к нулю, а также служила отличным катализатором сарафанного радио. Впрочем, сачок был куда более охватным медиумом.

И там, и там были свои плюсы и минусы. Сачок напоминал огромное сетевое рекламное агентство – солидное и отлаженное, но в то же время медленное и неповоротливое. Зармануш же – как небольшая креативная студия или предприимчивый фри-лансер – была куда более мобильной, но зачастую непредсказуемой и ненадежной. Сплетню на Сачке можно было остановить в любой момент, удалив пост; Зармануш переставала мусолить новость только когда та ей надоедала. Сачок был порожденной человеком машиной, электронным ресурсом, суще-

ствовавшим лишь в виртуальном мире, холодным и бездушным, в то время как Зармануш приносила в стены университета поистине домашний уют отдаленной высокогорной селухи на полпути к пику Машука или Арарата. И самое главное – в отличие от Сачка, Зармануш невозможно было игнорировать: поймав свою жертву за пуговицу где-нибудь в коридоре, она сполна выкладывала все, что имела сказать. В целом же, между двумя медиа не было никакого антагонизма, они мирно сосуществовали и дополняли друг друга.

Классифицируя университетские слухи, следует выделить две основные категории: пиар и черный пиар. Однако в отличие от жизни, где «черный пиар – тоже пиар», в реалиях университета все было наоборот – жажда славы и публичности зачастую приносила только позор и насмешки, не подслащенные никакими дивидендами.

Открыв для себя Сачок, я пару месяцев увлеченно следил за конференцией, посвященной неким Яне и Азамату, нареченным самой скандальной и яркой парой юридического факультета. О ней писали, что нет барышни красивей и модней, о нем – что он атлет со сталью в голосе и огнем в глазах, и оба они, разумеется, сказочно богаты. Я представлял себе ослепительную голливудскую пару с развевающимися на ветру шелковистыми локонами, жемчужно-белыми зубами, сладострастно прикусившими пухлые губы; одеты они должны были быть в небрежно распахнутые сорочки, обнажавшие загорелую грудь – накачанную у него и накачанную силиконом у нее; ну, и, конечно, толпе папарацци, со вспышками и на мотороллерах, вменялось преследовать этих двоих везде, куда бы они не ступили. Я даже немного комплексовал, что мы не знакомы. Всякий раз приходя в Инфинити, я был готов к встрече с ними в любой момент и даже пьяным старался держаться достойно. Иногда мне казалось, что я чувствую на себе их благосклонные взгляды откуда-то из глубин VIP-зоны – я крутил головой, но вокруг были только пьяные первокурсники в шмотках с огромными логотипами.

Моя мама любила повторять, что жить интересней, веря в какую-нибудь сказку. Наверное, поэтому я лет до тринадцати верил в Деда Мороза, а в день, когда обман раскрылся, ревел как девчонка и чувствовал себя так, будто меня поймали вчетвером. Схожие чувства я испытал, когда в Максе мне, наконец, показали ее – кругленькую семнадцатилетнюю тетеньку в белой рубашке и черной юбке.

– Это та самая Яна?! Это точно она? – совершенно опешив, переспросил я своего приятеля Мишу Рязанцева, учившегося с Яной и Азаматом на одном курсе, и с надеждой добавил, – А... а он?

– Метр шестьдесят.

– Такой? – не веря своим ушам, отмерил я рукой полтора метра от пола.

– Ну, чуть повыше, – приподняв мою руку, спокойно ответил Миша.

– Да хорош! – у меня задрожали губы, – то есть, они это сами про себя что ли пишут?

– Да, я тоже удивился, – пожал Миша плечами и принялся за кляб-сэндвич.

В тот день я как будто прозрел. Как в замедленной съемке я тянул через трубочку газировку и остановившимся взглядом смотрел на людей за соседними столами. Вон, с двумя армянами-бриолинщиками восседает рябой Айк со второго курса соцфака, про которого кто-то постоянно писал на Сачке: «мне очень нравится айк совторого курса соцфака»; вон, за столиком у окна жует свой тост Хусейн в серебристых кроссовках Рима, о котором я как-то раз прочитал: «помоему самый красивый хусейн в дизайнерских серебристых кроссовках пума за 1000\$». А вот, прямо передо мной появился усыпанный угрями малыш Гагик, двухсоткилограммовый человек-колобок метр шестьдесят в диаметре, вдохновивший сразу нескольких

девиц (мистическим образом делавших ошибки в одних и тех же словах, и писавших, как говорят, с одного и того же IP адреса) на любовные строки в ориентальном стиле – что-то там про «хозяина моего сердца».

– Здорова! Как сам, братан? – Гагик протянул мне полную влажную руку.

– Здорова, – я пожал ее, слегка приподнявшись со стула, – Нормально. Как сам?

– Так, ничо, – сделав неопределенный жест, он скорчил странную гримасу и покатился дальше.

На прошлой неделе этот мешок с салом подрался с одним бедолагой. Бедолага был бит, но на этом злключения для него не закончились. Желая уничтожить врага окончательно, коварный Гагик, не дожидаясь возможного продолжения, объявил его «дайвером» – т.е. человеком, ныряющим в пилотку, т.е. одним из тех, кто ублажает женщин орально. Это было идеальным средством сделать человека изгоем – по крайней мере, в нацменской среде. По сути, весь черный пиар на 99% отвечал одной лишь этой цели, и обвинение всякий раз было одно и то же: лизал пизду. Механизм был не нов – прежде священная инквизиция также объявляла неугодных еретиками, а сталинский режим выявлял английских шпионов и прочих вредителей.

Так и тут.

Забавно, что все эти первогумовские и кафемаксовские обличители, как, впрочем, и обличаемые, учились и жили за счет родителей, что в известной степени сковывало их карьеры в мире криминала или радикального ваххабизма. Вместо того чтобы заниматься реальными делами, пацанам приходилось довольствоваться крохами – дерзить охранникам в кафе Макс, хамить телкам, при встрече от души лобызаться друг с другом в небритые щеки и изредка драться из-за глупых шуток. Однако став прокаженным-дайвером о бандитизме приходилось забыть. Таким низвергнутым гангстерам приходилось посвящать себя тому, для чего их, собственно, и отправляли в университет – учебе.

10

На засыпанной слипшимся снегом лужайке против Макса собралось около сорока человек в черных кожаных куртках и остроносых туфлях. С большинством из них я или дружил, или приятельствовал, с остальными по меньшей мере при встрече здоровался. Это сборище было явно спровоцировано какими-то волнениями, о чем лишний раз говорило неумолкающее цоканье сорока языков.

Наотмашь приветствуя собравшихся, я протиснулся в самый эпицентр толпы. Посреди круга в солидном кашемировом пальто и с тростью стоял высокий бородатый абрек – мой приятель Якуб с первого курса юрфака, названный так в честь Пророка Якуба (с.а.в.) – младший братишка местного авторитета Изуддина. Из-за войны и постоянных переездов Якубка получил аттестат о школьном образовании на год раньше сверстников и сразу же поступил в МГУ – ему было всего пятнадцать. Перед ним стояли два брата – Лорик и Карапет – и, помогая себе жестикуляцией, что-то возбужденно объясняли.

– Че случилось? – поинтересовался я у Джамала с интересом наблюдавшего за происходящим из первого ряда.

– Да Якуб с Айком в Максе за столом сидели, чота-чота прикалывались и доприкалывались до того, чо Аик чуть Якубу вилку в глаз не воткнул. Там сразу пацаны подлетели, своих

разобрали – Якубка вроде успокоился, а Айк вон, теперь психует, – Джа кивнул на живую стену из набриолиненных армян, насилиу удерживавших своего распалившегося друга.

– Я если че, пожалуй, за Якуба впрягусь, – прикинул я, – Айк думает, если на втором курсе учится, то он охренеть че за старшак.

– Да, я тоже, – поддержал Джа.

Не успел он произнести этих слов, как кто-то схватил нас обоих за руки и резко оттащил за пределы круга. Я вырвал руку и обернулся, ожидая увидеть кого-то из приспешников Айка, подслушавших наш разговор, но перед нами стоял Муслим. Не выпуская рукав Джамала, он снова схватил меня и прошипел:

– А-ну, свалили отсюда!

– Э, в плане свалили?! – возмутился Джа.

– А хуля вы тут третесь? За кого впрягаться собрались? За Якуба впрягаться собрались?! – негодовал Муслим, когда мы отошли в сторону, – Он кто вам, чоб за него под пизда-рез лезть?

– Он наш кент, вам! – огрызнулся Джа.

– Кент ваш? А он вас кентами считает?

– Я ебу? Наверное, считает... – произнес Джа и оба мы немного поостыли.

Муслим был в чем-то прав. Держа нас под руки, он потихоньку, как душевнобольных увел нас в сторону гума.

– Это бакланство, чо вы мутите, – учил он, – я понимаю, все себя показать хотят, но, по-братски, это детство. В хипише надо чью-то сторону принимать, только если другого нет варианта.

– Ну, да, двое парняг кипишнули, а собралось полмакса – как в цирке, я ебу, – согласился я и вспомнил, что вообще-то шел в первый гум на лекцию.

Мы стояли на улице у входа на малый сачок и курили. Можно было сказать, что первая зима в университете миновала. За это время я худо-бедно сдал сессию, попробовал экстази, начал активно тусоваться на R&B и научился безошибочно отличать грузин от армян и кабардинцев от балкарцев.

– Более того, – продолжил Муслим и выпустил кольцо дыма, – если вы его кентом считаете, то это еще не значит, чо он вас кентами считает. Надо по поступкам, по отношению судить.

– Ну, да...

– Я вам щас тему приколю, – взяв обоих под руки, Муслим уводил нас все дальше, – короче, в Нальчике два типа было, и они с детства всегда вместе лазили. И один всегда говорил за другого – вот это мой близкий, туда-сюда, я хочу выпить за своего близкого – ну, в таком плане. А второй гривой мотал, но не отвечал никогда. И один кон у них рамс случился из-за того, чо тот, который молчал, замутил с сестрой первого. И этот первый на рамсе говорит, ебанный свет, как ты мог так со мной поступить, ты же мой близкий. На что другой отвечает, а с чего ты, братуха, взял, чо *ты* мой, близкий? Этот бедолага говорит, ну как же, я же всегда об этом говорил! А тот – но я-то нет! – Муслим выпустил еще одно кольцо, – Такая легенда.

– Это печально, – цинизм этой ситуации стал для меня настоящим откровением.

– Это жизнь, братуха, надо по поступкам смотреть.

И правда, ярлыки типа «приятель», «кент» или «близкий» – были только словами и не всегда искренними. В сущности, даже между близким и терпилой лежала очень тонкая грань. В общении с любым мажором важно было сохранять баланс – заложив его, можно было сказать что-то вроде "уася, не обессудь, ты же мой близкий" и тут же крутануть на копейку. А он в свою очередь будет рад поделиться и не станет переживать, что его снова развели – ведь ты его близкий, а значит, он рад поддержать тебе кайф. Какая-то такая арифметика.

11

Тарас Квази-Ахмедов, пухлый розовощекий парень с глазами навывкате, был носителем самого эксцентричного кавказского акцента в МГУ нулевых. Настолько, что даже в самых высокогорных аулах его речь резала б слух. Кроме того, Тарас был гением мимикрии, способным раствориться в любой национальной или этнической среде, покуда ее представители худо-бедно изъяснялись по-русски. Тот коллективный полиглот из многочисленных роликов на youtube, филигранно имитирующий различные кавказские акценты, в сравнении с Тарасом был просто любителем. В том смысле, что все парни из всех роликов этого жанра были детьми в сравнении с ним.

– Э, как сам, братуха? – столкнувшись на гуме, Тарас прижал к сердцу Бабрака, с которым я познакомил его накануне, – как на хате? Как матушка?

– Ниче, по-тихому. – бесхитростно отвечал Бабрак, – как сами пацаны?

– Нормально, – ответил я.

– С кайфом, жи есть, – Тарас деловито надул щеки, – че, вообще, нового?

– Да все по-старому, – от этого рутинного обмена любезностями Бабрак, казалось, сделался каким-то меланхоличным, но вдруг что-то вспомнил и просиял, – а-ну, ща анекдот вам приколю!

Я мысленно потер руки – у этого пацана было неплохое чувство юмора.

– Короче, – начал Бабрак, – как вы, походу, знаете, у осетин есть три народности – иронцы, дигорцы и кударцы. Иронцы, короче, хитрые. А кударцы наоборот – как Сега наш – простые, прямолинейные – чисто лбом все прошибают. И, значит, один кон, поспорили иронец с кударцем, что если кударец у иронца на хате лбом дверь высадит с трех попыток – то эта хата ему перейдет. А если нет, – продолжал Бабрак, – то кударец на иронца год бесплатно пахать будет. Ну, кударец говорит – не вопрос, считай ты, васечек, бездомный! Разбежался значит ииии – БАЦ головой! Дверь ни с места! Кударец башку потер – че за фигня – снова разбежался – БАЦ! Дверь как стояла, так стоит! Кударец разозлился, поднатужился, разбег побольше взял – в третий раз – БАЦ! И все равно нихуя! Ебанный свет, говорит, я признаю, я проиграл, но по-братски – чо у тебя за дверь такая?! На что иронец, посмеиваясь, открывает дверь – а тама, короче, стоит другой кударец и лбом ее держит!

Мы рассмеялись.

– Ай, ат дуци, братуха, – радовался Квази-Ахмедов.

– А я все ждал, что там еще дигорец появится, – улыбнулся я.

– Все ждут, – пожал плечами Бабрак.

Уговорившись оставаться с Бабраком на хлопкэ, мы двинули в Макс.

– Ара, инч чка чка, Ереван ум? – неожиданно заголосил Тарас, наткнувшись по пути на Армена, – ахпер джан, вонцисс?

– Ахпер! Ара, как сам? – без задней мысли отвечал Армен.

– Ничо, братка, нормална всё. После пары, по-бряцки, чо делаешь? Нэ хочэш в кино паехат?

– Ну, давай созвонимся.

– Давай, братуха, на связи тогда, – с умопомрачительным акцентом скрипел Тарас.

Едва выйдя из корпуса, он уже прикуривал сигарету Сеге:

– Слышал анекдот про иронцев и кударцев? – поинтересовался Тарас.

– А ты откуда такие анекдоты знаешь?

– Так, я же тоже осетин – у меня бабушка осетинка!

– Э, у тебя сколько бабушек, ебукентий? – вспыхнул Сега, – ты при мне уже одну ингушам и одну армянам обещал. Мало тебе было?!

– Э, зачэм так гаварышь? – смущенно улыбался Тарас, а его пухлые щечки стыдливо румянились, – на всё хватит!

– Иди, отсюда, э! Еще раз услышу такое, я тебя лавашну!

– Ладно, ладно, осади! – возмущенно отмахивался Тарас.

Спустя еще четверть часа, восседая за столом в кафе Макс в компании четырех азербайджанцев и двух грязнух, он с кудахтающим акцентом, характерно подергивая подбородком, высказывал услышанную где-то идею о целесообразности узаконивания в России шариатских судов.

– Тарас, какой Шариат, какой Ислам? – с недоумением уточнила одна из грязнух с загорелыми сиськами и фуфлыжным Луи подмышкой, – ты же христианин.

– Нэт, я мусульманин, – на голубом глазу заверил он.

– Какой ты, нахрен, мусульманин, у тебя же вон крест висит! – возмутилась другая, с красивым, но оранжевым от автозагара лицом.

– А я так мусульманин, – поборов смущение, отвечал Тарас и, повышая скрипучий голос, вскрикивал, как бы в подтверждение своих слов, – МОСКВА ДЛЯ ЧЕРНЫХ!

– Ахахах! Не могу, Тарас – самый черный в Москве, – азербайджанцы заливались смехом, но походу им все же льстило, что такой белобрысый парень с таким большим золотым крестом отводит «черным» российскую столицу.

Явившись в первый гум на лекцию, Тарас непременно заглядывал в кафетерий на малом сачке и с немислимым акцентом интересовался у грузинки-продавщицы, свежие ли хачапури, так, что стоявшие в очереди борцухи-дагестанцы, удивленно озирались, не понимая, то ли это в доску «нашинский», то ли какой-то дерзила вздумал их пародировать. Однако, убедившись, что это всего лишь Тарас, возвращались к своим делам.

– Чо за карьерист этот ваш Тарас! – в приватном разговоре делился соображениями Муслим.

– В смысле, карьерист? – не понял я.

– Ну, смотри: с акцентом разговаривает, национальности, как перчатки меняет, армянский вон учить стал... теперь машину ему купили.

– Ну?

– Ну... так потихоньку будет продвигаться, наращивать свой авторитет среди черноты, а курсу к пятому станет, хуй его, правой рукой какого-нибудь бандита в МГУ.

– Он очень радуется, когда его за черного принимают.

Мы оба рассмеялись.

Забавно, что сам того не понимая, Тарас, подобно представителям московского художественного сообщества, таким как Анатолий Жигалов, группа «Коллективные действия» и другим, по сути занимался субверсивной аффирмацией, сделав перформансом всю свою жизнь. Став «нашинским» больше, чем сами «нашинские», своим нелепым гротескным поведением он нарочито обнажал глупости и пороки свойственные тем, на кого старался быть похожим.

– Я не националистка и всегда толерантно относилась к кавказцам, но какой же мудака этот Тарас! – услышал я как-то на гуме.

Впрочем, машину ему и правда купили очень вовремя. Он жил недалеко от меня и каждый день по пути из дома в университет и обратно проезжал в квартале от моего дома. Будучи с ним в приятельских, я часто этим пользовался.

Однажды вечером мы пробирались домой через задышавшуюся от пробок Москву. Уже успело стемнеть. Из колонок доносился рык Высоцкого. К вечеру мы были довольно замученные и всю дорогу ехали молча.

– Заебали меня эти черножопые, – на чистом русском вдруг пожаловался Тарас.

Я лишь похлопал его по ноге.

12

Близилась летняя сессия, в зеленых кронах деревьев чирикали воробьи, а солнце безжалостно жарило – хотелось переодеться в шорты и поскорее съехать куда-нибудь на Гоа (на тот момент относительно новое для России туристическое направление, еще не облюбованное просветленным быдлом). Выйдя с семинара по политологии, проходившего в здании социологического факультета, я решил, что учебы с меня хватит и вместо следующей лекции свернул в сторону кафе Макс. Проходя через широкий переулок с потрескавшимся асфальтом и сколотыми бордюрами, плотно заставленными припаркованными тачками, я поравнялся с поликлиникой МГУ – выкрашенным желтой краской четырехэтажным зданием. Оттуда вышел Джа в приталенной белой сорочке с крупным плейбоевским зайчиком, вышитым на груди. У него была перебинтована рука, но мина на смуглом лице казалась вполне довольной. Покачивая на ходу корпусом и отработывая хук слева, он деловито двигался в мою сторону.

– Здорова, чувак, – приветствовал я его.

– Ты считаешь меня кастрированным бараном? – с серьезным видом уточнил он, пожимающая мне руку.

– Почему ты так решил?

– Ну, потому что «чувак» – это кастрированный баран.

– Сам придумал?

Джа усмехнулся.

– Ладно, просто, по-братски, не называй меня так больше.

– Не вопрос, – согласился я, – а че такой серьезный? Что с рукой?

– Да ничо, – поморщился он, – помнишь, я на той неделе кожа воткнул?

– Нет.

– Ну, вот, об его башку лысую и расхерачил. Сначала просто рана была, а потом палец распух и гнить начал. Ну, я вчера подумал, взял нож, блюдце и – ЧА! ЧА, бля! – вскрыл его нахрен, – объяснил Джа, рассекая воздух воображаемым лезвием, – а оттуда гной фонтаном как брызнет!

– Жесть. А че врач сказал?

– Говорит, если бы я еще пару дней протянул, палец отрезать бы пришлось. А тогда о боксе можно было бы забыть.

– Да уж... – до Макса оставалось еще метров пятьдесят, и я решил перевести тему с гноя на что-то более приятное, – а ты хороший боксер?

– Хороший, но сейчас не тренируюсь практически...

На самом деле и эта тема мало меня занимала – понуро опустив голову, я просто шел к поставленной цели – гавайскому сэндвичу и стакану газировки – попутно разглядывая туфли своего спутника – черные, с узкими прямоугольными носами, загнутыми практически в мертвую петлю.

– Ну, самое главное талант у тебя есть? – спросил я, не отрывая от них взгляд.

– Талант пиздец какой есть! – мгновенно выпрямившись и надув тощую грудь выпалил Джа.

– Тогда нахуя тебе палец?

Шок и возмущение смешались в его взгляде. Открыв рот, чтобы парировать мой циничный выпад, он лишь безмолвно глотал воздух как пойманный в сети сом.

– Чо ты за тип, Марк! – с удивлением, превосмогающим негодование, воскликнул Джа, – нет, чтобы поддержать друга, издеваешься надо мной!

– Ладно, зато настроение поднял, – подыграл я, смекнув, что сказал какую-то глупость, и похлопал его по плечу, – в Макс пойдешь?

– Надо пацанам салам закинуть, – он кивнул в сторону нескольких квадратных фигур, черневших поодаль, возле гремевшего новым таркановским шлягером сто сорокового Мерседеса, – сам не подойдешь?

– А я там со всеми виделся уже, – соврал я, – если че, в Макс приходите, я внутри буду.

– Роберта с Альмурзой не пускают – на той неделе с охранниками кипишнули, – объяснил Джа с некоторым пиететом. Статус «вне закона» – пусть даже в студенческом кафе – считался престижным среди учащихся младших курсов – по крайней мере, среди черных ястребов вроде Джамала.

Зайдя в Макс и купив сэндвич с газировкой, я окинул взглядом столики. Человек неприличный решил бы, что попал на флэшмоб или костюмированную вечеринку – все парни были брюнетами в черном, все девушки – загорелыми блондинками с сумками Луи. Не увидев среди присутствующих никого, с кем захотелось бы разделить трапезу, я уселся за свободный столик подальше от знакомых лиц. Закинув ногу на ногу и, чинно выложив на стол новый мобильник и пачку сигарет, я приступил к трапезе, попутно глаза по сторонам. В какой-то момент мой взор остановился на красотке с отличным задом и осиной талией, выглядывавшей из-под короткой кофты. Она сидела ко мне спиной – через стол или два, в компании неумолкающих

подруг – так что я даже не мог разглядеть ее лица, а отвлекшись на хиппиш какого-то борца с охранниками, не заметил, как она исчезла.

В тот же день я еще дважды замечал ее промелькнувшие в толпе бедра, а выйдя с последней пары, увидел, наконец, и лицо. Она сидела на подоконнике лестничного пролета и курила крепкие мужские сигареты с шоколадным фильтром. Остановившись рядом, я тоже закурил.

– Весь день тебя сегодня встречаю, но ты постоянно поворачиваешься спиной.

– А, чувак в леопардовой куртке, – ухмыльнулась она, – если так, откуда ты знаешь, что это я?

– Ты сегодня видела хоть одну девочку, одетую во все черное? – я улыбнулся и добавил, – Кроме красивой блондинки в зеркале.

– Думаю, нет, – пожала она плечами.

– Выходит, это ты.

– Пожалуй.

– Я Марк.

– Я Алиса. Приятно познакомиться.

– А уж как мне приятно, – я поцеловал ей руку, – с какого ты факультета?

– С философского. А ты?

– С мирового господства, – ответил я и предложил, – слушай, может, сходим куда-нибудь вместе? Хотя бы по чашке кофе выпить.

– Можно.

– Как насчет субботы?

– Давай.

Мы обменялись телефонами и в ближайшие же выходные встретились в Кофетун на Тверской, заведении популярном среди неистовых абреков. Потом сходили в кино и прогулялись по бульвару, потом пожарились и, в общем, неплохо проводили вместе время. Помимо безукоризненного вкуса, Алиса была для меня носителем чего-то светлого и неиспорченного Москвой, что выгодно отличало ее от окружающих грязнух – размалеванных кукол в натянутых на уши стрингах, чьи жизненные ценности, измерялись в долларах, лексусах и дольчегаббанах, похотливых и расчетливых стерв, голодных до привилегий, роскоши и разврата – тех самых грязнух, так полюбившихся мне спустя пару лет.

Теперь же впереди ждало лето, которое мы с Алисой провели вместе, а на пути к нему стояла лишь вторая в моей жизни сессия из шести экзаменов и шести зачетов.

ВТОРОЙ КУРС

1

К началу нового учебного года я опоздал примерно на неделю. Желая захватить еще немного солнца и рассудив, что в день знаний учиться все равно никто не будет, мы с Алисой довольно спонтанно сорвались в Турцию с обратными билетами на второе сентября. Вернувшись в Москву, из аэропорта мы поехали домой, где, разумеется, и залипли. Третьего сентября случилась пятница, и я решил, что нужно быть последовательным и догуливать неделю до конца – тем более никто не умрет, если я начну учебу с понедельника. Однако к вечеру субботы, хорошенько выспавшись и начав скучать, я поехал тусоваться. Вернувшийся с каникул и из отпусков народ безудержно козлил в клубах, понимая, что державшийся на термометрах

плюс – лишь финальный летний аккорд перед началом семимесячной зимы. Будучи человеком по сути своей запойным, я бросился заливать шампанским, глотать таблетки и шлепать крепкие загорелые зады с такой жадностью, что в университете оказался только восьмого числа. Да и то лишь потому, что, обдолбавшись на вторичной хип-хоп вечеринке в маленьком клубе на Никольской, расчувствовался и захотел немедленно увидеться с первогумовскими чудилами.

– Чехов много в этом году стало, – делился наблюдениями Муслим, – в прошлом почти не было.

Мы сидели в большом, размером с оконный проем, углублении, зиявшем в стене против отделения Сбербанка – доживавшего последние дни в стенах первого гума. Полагаю, раньше это был застекленный шкаф с портретами вождей на полках и какими-нибудь информационными материалами о вкладах или пятилетках за три года. Теперь уже не оставалось ни стекол, ни полок – их место заняли тощие задницы местных нариков, облюбовавших укромный уголок для своих сходняков. С закрытием банка место стало совсем непроходным – на втором этаже не было ничего кроме верхних входов в поточки – почти не используемых – и дрянного буфета с картонной пиццей и газировкой. Если тебе не нужно было в одну из этих аудиторий, дверями выходящих в просторный темный холл с ветхим почерневшим от времени паркетом и неприятливыми бледно-зелеными стенами, ты вряд ли сунулся бы в этот угрюмый тупик. Еще туда выходили двери туалета, в котором мы курили хэш из пластиковых бутылок. На весь 2004/2005 учебный год полка на банке стала местом притяжения всех баловавшихся студентов.

– Странно, почему они так *вдруг* появились, – сбив минералкой сушняк, отреагировал я на последние слова Муслима, – что изменилось-то за год?

– Лет пять назад их очень много было, – стал объяснять он, – и было много горячих голов, попутаясь чо тут за беспредел творили. И ректор, говорят, распорядился сразу всех их отчислить и новых в МГУ не принимать больше. Но сейчас походу поостыл, раз столько народу зачислили. У вас же тоже до хрена?

– Да, несколько человек пришли. Но в том тоже были.

– Кто, например?

– Ислам.

– Ислам, братуха – ингуш. Это не одно и то же, – поднял палец Муслим, – есть нохи – чеченцы, есть галгаи – ингуши, а вместе их называют вайнахи.

– Прикол. Как в анекдоте, знаешь, – обрадовался я, – типы ингуши собрались и решили – че это вся слава чеченцам достается? Собрали толпишку и пошли банк грабить. Ну, их, короче, мусора принимают и на другой день в новостях передают: сегодня при попытке ограбления банка была задержана банда чеченцев, которые нагло утверждают, что они ингуши.

– Воот, – выдыхая из легких дым, кивнул Муслик.

– Азеров, кстати, тоже много пришло – в том году пара человек всего было.

– У них учиться вообще не очень принято – торгаши, есть. Сейчас, видимо, стали о будущем думать.

– Походу, – пожал я плечами.

Этот разговор стал своего рода приквелом к курсу профессора Татунц по этносоциологии – единственному предмету, который я в обязательном порядке посещал в ходе осеннего семестра. В расписании на понедельник двумя первыми парами значились ее лекции – аккуратная посещаемость которых позволяла избежать неприятностей, с которыми многие столкнулись еще до сессии. Отсутствие в аудитории во время переключки на двух занятиях влекло за собой повинность – подготовку и защиту реферата на выбранную профессором тему. При-

чем было совершенно неважно – проболел ты, проспал или прогулял. Собственно, только благодаря этому я таки влился постепенно в предмет, ставший одним из моих любимых за все пять лет обучения.

Так, отсидев две пары в понедельник утром, я обретал свободу еще на целую неделю. Посещение других предметов было по сути факультативным, если ты, конечно, не претендовал на красный диплом – а я не претендовал.

С чувством выполненного долга выходя из аудитории в широкий с высоченными потолками и мраморными полами коридор, я закуривал сигарету и неторопливо плелся к выходу. Не афишируя своей дерзости, миновал охрану на проходной и оказывался на улице – на широкой парадной лестнице величавой устремленной в небо высотки. Оттуда мой путь обычно лежал на гум – точнее, на банк – где все уже кишело нариками, а меня неизменно ждали три точки сносного университетского хэша.

2

Прежде чем стать совсем конченным, я только нюхал изредка кокос и жрал таблетки – по выходным в крутых клубах, запивая все это игристым вином, в компании распервейших университетских мажорок и моего подельника с юрфака Миши Рязанцева – отпрыска папы-министра и мамы-педиатра. Так, вальяжно потягивая шампанское на занимавшей целый двор летней веранде модной в то время Шамбалы, клуба на Кузнецком мосту, мы оживленно обсуждали *много денег*. Миша в пижонском белом пиджаке и черной рубашке, деловито зачесывая за уши длинные светло-русые волосы, увлеченно рассуждал о будущей карьере.

– Подумываю сейчас помощником депутата пойти, – объяснял он, – ну, не такого депутата, который за правду-матку, – Миша сжал кулак в козу и постучал себя по лбу, – а нормального, нашего, у которого бизнес, женщины, кокаин, тусовки. Даже пофиг, пусть платят тысячу долларов поначалу. Зато к третьему курсу буду двушку получать, к четвертому – уже трешку, к пятому – пять, а когда диплом получу, там уж десятка будет, и можно жить как-то.

– А я не буду работать пока не получу диплом, – пожал я плечами и поправил высокий воротник распахнутой на груди сорочки, фривольно торчавший из-под замшевого пиджака, – в МИДе без диплома делать нечего, а идти какой-то офисной крысой за три копейки, я считаю, просто не для меня. Тем более от меня этого никто и не ждет.

Миша сделал глоток шампанского и понимающе кивнул. От собственных слов я даже немного рассердился – как это так, я – и офисной крысой! Кому это вообще пришло в голову! Прикурив сигарету и смахнув со лба длинную челку, я поднял свой бокал и мы, преисполненные ощущения собственной исключительности, чокнулись.

– Смотри скорей! – Миша кивнул на двух привлекательных, фигуристых, но довольно просто одетых девчонок, – как их сюда пустили?

– Ну, задницы ничего, – оценил я, – да и на лицо так, неплохо, но вот одеты, конечно...

– Моя подруга Ксения говорит, что достойная барышня, выходя из дома, всегда должна быть одета не меньше, чем на семь тысяч долларов, – с мечтательной улыбкой произнес Миша, и со значительным видом добавил, – и это не считая того, что у нее Верту. Причем совершенно простая девчонка, когда ее водитель не может забрать из универа, она без вопросов садится на метро.

Мишин пиетет мгновенно передался и мне – я одобрительно кивнул в знак согласия.

– А эти, они вроде симпатяги, но живут, наверняка, в общежитии, купили по паре джинсов Дольче Габбана и весь год из них не вылезают... ну такие, словом, девятки заряженные, – привел я аналогию из мира автопрома.

Мише моя шутка понравилась. У нас вообще был отличный тандем – мы были очень довольны собой и друг другом.

– Девяятки, – растекся он в умиленной улыбке.

Окна окружающих домов, очерчивавших границы летней веранды, дребезжали от убийственных басов, бит поспешно отстукивал ритм, проникновенно подвывал вокал, а на освещенной десятками софитов сцене осыпанных блестками гоу-гоу поочередно трахал голый накачанный негр. Гости неистовствовали.

Около четырех нам позвонили подруги из универа – как раз из тех, что не выходят из дома не нарядившись на сколько-то там тысяч долларов – и пригласили заглянуть в Стоун, заведение, позиционировавшееся как ночной клуб с золотыми унитазами. Находился он в паре минут ходьбы от Шамбалы, так что мы, не найдя причин против, приняли приглашение.

– Просто я не *зачем-парень*, я – *почему-бы-и-нет-парень!* – весело объяснял Миша Лене, одной из наших подруг, ожидавшихся за восьмидесятитысячным депозитным столом – уже изрядно подшофе.

Гости были на взводе. Разгоряченные юноши в темно-синих пиджаках и белых рубашках с высокими воротниками – толпились у бара, спаивая телочек; разгоряченные юноши в обтягивающих майках-алкоголичках и кожаных перчатках с обрезанными пальцами – выдавали немислимые пируэты на танцполе. Диджей York, раззадоренный такой отдачей, бесновался за пультом. Свет софитов рассеивался в блеске каратников, свисавших с ушей, шей и пальцев девчонок, деливших с нами трапезу. Новогодними елками вторили им телочки за соседними столами. Когда разговор замолкал, они просто перемигивались своими блестяшками, словно сигнализируя что-то на азбуке Морзе. Длинный-длинный-короткий – «подруга, у тебя нет лишнего тампона». Короткий-три длинных – «это сумочка из последней коллекции Прада?» Или типа того. Так, обливаясь шампанским и посыпая себя с ног до головы кокаином, мы проторчали в Стоуне еще часа два, пока не иссяк депозит.

– Никогда не понимал людей, которые проводят всю ночь в одном клубе, – объяснял я все той же Лене, – чем больше я пью, тем больше мест мне хочется посетить – благо в Москве стабильно есть три-четыре пристойных заведения.

После этих слов мы всей толпой, несмотря на то, что было уже около шести, решили сорваться в Кас-бар, находившийся у бассейна Чайка, в самом конце Остоженки. В итоге доехали до него только я, Миша и Лена и только для того, чтоб убедиться, что он уже закрыт. Нисколько не огорчившись, мы, не сговариваясь, зашагали Садовому в сторону МИДа. Рассветное солнце слепило глаза, прохладный сентябрьский ветер развеивал волосы, мы были опьянены успехом, молодостью и шампанским. Когда тебе восемнадцать, даже после бурной ночи, алкоголя и кокаина ты свеж и полон сил, готов, не задумываясь, пешком сорваться с Остоженки на Старый Арбат, задавшись целью съесть бургер из Макдональдса.

– Но давайте сразу договоримся, – прожевав свой Биг Мак, предупредил я, – ни одна живая душа не должна знать, что мы это сделали.

– Ну, разумеется! – с очень серьезным видом ответил Миша, шумно втягивая через трубочку остатки газировки.

– Это будет наш маленький секрет, – улыбнулась Лена, жмурясь в утренних лучах и невзначай пуская солнечных зайчиков внушительными камнями в своих серьгах.

– Просто, сами понимаете, все-таки не последние люди в МГУ, – пояснил я свою мысль, но это было излишне.

– Я бы даже сказал – первые люди в МГУ! – без доли иронии уточнил Миша.

Вскоре, уже через каких-нибудь полгода, мы вспоминали этот серьезный разговор смеясь над своей детской нуворишеской напыщенностью, но времена были таковы, что поход в Мак-дак с получасовым ожиданием открытия окошка экспресс-обслуживания в компании панков и бездомных мог здорово подпортить человеку репутацию – по крайней мере в МГУ 2004-го.

3

В течение пяти лет моего обучения в университете кто-то постоянно намеревался устроить студенческую вечеринку в клубе или доме отдыха. Организаторам это сулило бесплатный бар, восхищенные взгляды однокурсниц и даже некий заработок – если на плечах, конечно, была голова, а в ней дельные мысли. Впрочем, даже если вечеринка оказывалась провальной, чувак замутивший ее все равно выглядел крутым – от одной лишь сопричастности всей этой кухне. Клубные промоутеры и фэйсконтрольщики вообще были героями того времени. Женщины любят наделенных властью мужчин, а эти вольны были движением брови дарить праздник или портить настроение.

Так вот в начале октября 2004 года один из этих дельцов – будучи студентом юрфака – отыскал аутентичный советский дом отдыха посреди непроходимых звенигородских лесов – обшарпанные двухэтажные коробки с двухместными номерами в спартанском стиле и общими удобствами в коридоре. Собрав по полторы тысячи с лвиной доли новоприбывшего первого и части второго курсов юрфака, чувак нанял туристические автобусы, дышавшие копотью, словно старый туберкулезник, загрузил в них жаждущих праздника студентов и праздник начался. Я же, хоть и учился на мировом господстве, общался в основном с юрфаковскими и тоже вписался в этот блуд.

Место в автобусе мне досталось рядом с Денисом Салтыковым – Мишиным нелепым приятелем с экономического. Салтыкова все считали алкашом, придурком и гопником, к тому же он был совершенно беспомощным и безвольным существом, которому, несмотря на серьезные габариты и атлетическое телосложение, непременно доставалось по заднице в ходе каждой пьянки. Еще он почему-то говорил о себе в третьем лице, и имел привычку в речи заменять названия предметов названиями брендов.

– Ну, погрузил Дениска свой Самсонит в Фольксваген Пассат и поехал Голден Джим, – скрипел он, описывая, как провел вечер.

По мере своих скромных возможностей Салтыков старался сделать друзьям приятно – сыграть на фортепиано что-нибудь из Деш Мад (за что бывал бит десять из десяти раз) или

подставить правую щеку, прежде чем ударили по левой. "Чего ты такой злой, Миш? Ну, хочешь надо мной поиздевайся..." – предложил он как-то Рязанцеву и тут же получил под дых.

– Марк, а давай с тобой вискарю ебанем? – обратился ко мне Салтыков, едва автобус тронулся.

– А, давай, – согласился я, смерив взглядом литровую бутылку копеечного пойла.

Сидевшие в соседнем ряду Миша и Мопс тоже присоединились.

– Вот, за что я люблю вискарю, – откручивая пробку, делился Салтыков, – так это за то, что набухивает очень интеллигентно. Водки, к примеру, выпьешь, и начинаешь огнем дышать и на разрушение тянет, а с вискарём не так. Пьешь, пьешь и вроде нормальный, а потом – как бы вдруг – оп, и пошел блевать.

По дороге один из автобусов сломался, и наша колонна встала, а путь, вместо обещанных двух, занял часа четыре. За разговорами с Салтыковым, рассказывавшим бессмысленные ничем не заканчивающиеся истории о друзьях-алкоголиках, девушках, которые ему нравятся, а также о том, за что он любит Деш Мод, это время показалось вечностью. Я проклинал себя за то, что не додумался взять с собой плеер. Уткнувшись головой в окно, я провожал взглядом пронесившиеся вдоль дороги резные заборчики, покосившиеся деревянные избушки и бесконечные леса Подмосковья.

Когда мы подъехали к дому отдыха, бутылка уже была пуста, а за окном стемнело. Собрав нас на широкой поляне рядом с жилыми корпусами, плотная женщина с зелеными тенями на припухших веках, напоминавшая кассиршу из овощного магазина или школьной столовой, стала поочередно выкрикивать наши фамилии и вручать ключи от номеров.

– Салтыков, Мопсовский!

– Здесь! – откликнулись Мопс и Денис.

– Получите ключ.

– Спасибо.

– Г... Г... Г.! – добравшись до моей фамилии, с трудом выговорила кассирша, – Господи, что за люди, а!?

– Здесь, – поднял я руку.

Кассирша посмотрела на меня с сожалением.

– Так, а второй – Рязанцев.

– Я! – подал голос Миша.

– Вот, возьмите лучше вы, – вручила она ему ключ.

Сразу видно, человек старой закалки – я не стал спорить.

Интерьер номера составляли две железные кровати и крашенный в белый цвет платяной шкаф с несколькими вешалками, среди которых нельзя было найти двух одинаковых. Удивительно, что они вообще там были. Бросив сумку на пол, я вынул из кармана четыре грамма пыли, приобретенных перед самым выездом из МГУ. Прежде я никогда не сталкивался с такой штукой – она вся рассыпалась в руках, и было неясно через что ее курить. Вероятно, лучше всего подошла бы пипетка, но в нашем распоряжении были только пластиковая бутылка, да

кусок фольги. Разом выкурив все четыре грамма, мы развеселились еще сильнее и принялись издеваться над вдрызг пьяным Салтыковым. К этому моменту в нашем с Мишей номере тусовалось уже человек десять, включая только что познакомившихся с нами первокурсников. Сперва они стеснялись лошиться такого крупного парня как Денис, но вскоре освоились и с удовольствием поддержали нас кто как умеет.

– Миша, ну не бей же ты меня подушкой! У меня аллергия на пух! – умаял Салтыков, возвышавшийся над всеми присутствующими.

– Да я тебя сейчас вообще убью! – рычал на него Рязанцев и заливался хохотом.

– Марк, ну ты-то хоть прекрати! Я думал хоть один интеллигентный человек...

– В плане я-то хоть?! Ах ты, гнида антисемитская! – отрывался я на нем за кассиршу.

Покуролесив в номере, мы отправились на дискотеку, где Салтыков своим тупым напором таки подцепил среднестатистическую ту-секси курочку с социологического факультета. Его мутноватые глаза-бусинки так и светились гордостью, когда он осторожно обнимал ее бедра. Дениска распинался как умел, пустив в ход все свои финансы и обаяние лишь бы затасовать девчонку в постель. Он почти силой вливал в нее Советское полусладкое – единственный наряду с водкой алкоголь, который можно было достать в местном баре – делал неуклюжие комплементы и собственным телом прикрывал от посторонних глаз. Лишь изредка он отводил от нее взгляд и опасливо косился на Рязанцева, увлеченно кадрившего самую красивую девушку курса со знаками доллара в огромных голубых глазах.

– Раз, два, ТРИ! – прокричал я тем временем и, что есть мочи, понесся по узкому коридору спального корпуса навстречу бегущему с другого конца Мопсу.

Номерные таблички на дверях комнат словно отсчитывали мгновенья до столкновения – 20, 19, 18, 17...

– А-А-А-А-А! – истошно заорал Мопс, когда мы в неистовом прыжке синхронно оторвались от пола, чтобы, столкнувшись в воздухе плечами, разлететься в разные стороны.

– Круто! – обезумев от восторга, воскликнул я.

– Ну, да. Давай еще раз? – предложил Мопс.

– Давай, я щас из тебя все дерьмо вышибу!

Очень скоро наш нехитрый аттракцион привлек внимание огромного количества первокурсников. Распалившиеся юноши в модных джинсах разделились на две команды и рубились не на жизнь, а насмерть, подобно баранам или преноцефалам, с разбега врежаясь друг в друга. В течение часа этот конвейер работал бесперебойно, поочередно доставляя в середину коридора все новые и новые пары кретинов.

Минут через тридцать, порядочно подустав, я вышел из игры, предоставив неофитам продолжать начатое мной дело. Присев на подоконник у входа в туалет, я закурил сигарету и стал прикидывать что делать дальше. Решив, что было бы неплохо воспользоваться какой-нибудь раскрепощенной первокурсницей, я уже было приподнял задницу, чтобы отправиться на дискотеку, как прямо передо мной возник Салтыков со своей изрядно наподдавшей пассией.

– Марк, посиди, пожалуйста, с девушкой пока я в туалет схожу, – доверился мне Денис.

– Конечно, братан, иди.

– Спасибо! Я быстро!

Дождавшись пока дверь уборной закроется за его спиной, я добродушно улыбнулся той крошке и констатировал:

– Ну, что – пойдём.

С безразличным видом она повиновалась. Проследовав по коридору, я постучался в номер отдохавшего после битвы Мопса и попросил его перейти в наш с Мишей номер.

– Которая тут Салтыкова кровать? – поинтересовался я.

– Вон, – кивнул Мопс, закрывая дверь снаружи.

Преодолевая робкие протесты своей новой подруги, я стянул с нее одежду и приготовился заняться сладкой любовью, но тут выяснилось, что у нас нет контрацептива.

– Да ладно, расслабься, бэйб, все будет круто, – успокаивал я, но телочка пошла в отказ, вынудив меня вложить свое хозяйство ей в руку.

Она дрочила нехотя, но без остановки, а я увлеченно тискал ее сиськи, ожидая, когда она доведет меня до финиша. Наконец, метко выстрелив в ее покрасневшее кукольное личико, я натянул штаны и вышел из номера.

Зайдя в соседний, наш с Мишей, номер, я застал Салтыкова валяющимся на моей кровати. Дениска крепко спал, обняв набитую пухом подушку – уже позабыв о своей нелепой аллергии.

– Салтыков! – толкнул я его в бок, – Подъем Салтыков! Вон твоя телочка по коридору одна гуляет.

– Где? – встрепенулся он, и, не обуваясь, бросился из номера прочь, – спасибо, Марк, а то я ее потерял!

– Я ее, кстати, дал только что на твоей кровати, – добавил я, укладываясь поудобней, когда он выбежал из номера.

– Ааа, какой же ты урод, Марк! – сидевший напротив Миша, расплылся в улыбке, – в рот тоже дал?

– А как же.

– А вот мы утром и спросим, целовался ли с ней после этого Салтыков! – восторженно резюмировал он и побежал с первокурсниками на улицу – бросаться друг в друга вешалками и трехкилограммовыми фигурами от напольных шахмат.

На следующий день триста студентов проснулись с тяжелейшим похмельем. Миша собирал сумку, из общей для всего этажа ванной с вафельным полотенцем на плечах вернулся Мопс. Я протер кулаками глаза и посмотрел на часы – было пол одиннадцатого утра. Прикинув, что до выезда в Москву еще больше часа, я рассчитал, что как раз успею умыться и выпить в буфете пивка. Едва я успел подняться, как в комнату впорхнул Салтыков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.